

Люди пробрались в гостевой флигель под самыми нелепыми предложениями, но так и не смогли открыть последнюю комнату, поэтому в конце концов им пришлось уйти ни с чем.

Бай Хао в последнее время часто околачивался во флигеле и, наблюдая за всей этой суетой, не мог не чувствовать возмущения. Хотя он и не понимал, что на уме у этого даоса, поведение толпы было откровенным издевательством. К счастью, равнодушие даоса Цинъяна заставило незваных гостей постепенно угомониться. Бай Хао втайне восхищался тем, как даос усмирял противников бездействием, но в то же время его терзало любопытство: он никак не мог встретиться с самим отшельником, чтобы понять его истинные намерения, и это доводило его до иступления.

В тот день Бай Хао, как обычно, отправился вместе с братом Яном убираться в гостевом флигеле. Однако тот сунул Бай Хао в руки мясную булочку и, сославшись на недомогание, попросил его справиться в одиночку. Бай Хао не стал раздумывать, спрятал булочку за пазуху и, прихватив бамбуковую метлу, зашагал во флигель.

Сегодня во дворе приятно пахло сандалом. Двери комнат по-прежнему были плотно закрыты. Бай Хао огляделся по сторонам, подышал на ладони, чтобы согреть их, и подумал, что вряд ли сегодня увидит даоса, а потому принялся выметать опавшую листву из дальнего угла.

Во дворе раздавалось лишь шуршание метлы. Бай Хао старательно сгребал листья, планируя после работы поджарить булочку и перекусить, поэтому совсем не заметил, как одна из дверей отворилась.

В тот момент, когда он был полностью поглощен делом, во дворе внезапно раздался кашель. Бай Хао от неожиданности подпрыгнул и чуть не выронил метлу. Крайне недовольный, он обернулся на звук, и, увидев человека под карнизом, издал испуганный вопль, не в силах поверить своим глазам.

Человек поспешно закрыл лицо рукой и виновато произнес:

— Прошу прощения, я вас напугал?

Бай Хао пристально смотрел на него, и пальцы, спрятанные в рукавах, непроизвольно дрожали. Что же нужно пережить, чтобы превратиться в такое подобие человека?

Только что он мельком увидел, что левая глазница этого человека — пустая черная дыра, без яблока и век, словно бездна. Сейчас он прикрывал левую сторону лица правой рукой, а его левый рукав висел пустотой. Он опирался на единственную правую ногу, а рядом с его стопой лежал костыль. Прислонившись к двери, чтобы удержать равновесие, он смотрел на Бай Хао единственным глазом.

Отсутствие левого глаза, руки и ноги делало его облик пугающим. Увидев даосское облачение, Бай Хао вдруг осенило: неужели это и есть тот самый даос?

Бай Хао сглотнул ком в горле и заикаясь ответил:

— Н-нет, все в порядке. Я просто так увлекся уборкой, что кашель застал меня врасплох.

Этим человеком действительно был даос Цинъян. Он прикрывал лицо рукавом, и Бай Хао не видел его реакции, но слышал:

— Это я был нетактичен. Младший брат, продолжай, пожалуйста.

Даос попытался развернуться, чтобы войти в комнату, но без костыля сделать шаг было невозможно. Бай Хао, увидев это, поспешил поднять костыль и подал ему. Цинъян слегка отвел лицо, чтобы Бай Хао не разглядел его, повернулся спиной, принял костыль и, поблагодарив, заковылял в комнату.

Бай Хао не хотел упускать возможность разузнать все подробности. Видя, что даос не проявляет враждебности и ведет себя мягко — несмотря на жуткий вид, он не вызывал страха, а скорее жалость, — Бай Хао сам вошел в комнату и отодвинул стул, преграждавший проход.

Когда он выпрямился, то смог рассмотреть лицо Цинъяна целиком: левая сторона пострадала не меньше — кожа была покрыта глубокими трещинами, что выглядело поистине ужасающе. Бай Хао с трудом подавил желание поморщиться и не показал своего испуга.

Даос на мгновение замер. Посмотрев на Бай Хао и убедившись, что в его взгляде нет отвращения или ужаса, он произнес:

— Редко встретишь человека, который не гнушается убогого вида бедного даоса. Не хочешь ли разделить со мной чашку чая?

Бай Хао улыбнулся:

— С удовольствием.

Цинъян кивнул и медленно опустился на стул. Бай Хао по своей инициативе взял чайник, набрал воды из стоящего в углу чана и подвесил его над жаровней.

Даос указал на соседний стул:

— Садись, младший брат. Мне трудно передвигаться, так что хлопоты по приему гостей лягут на тебя.

Бай Хао отмахнулся и в шутку сказал:

— Даос, вы так вежливы, что я даже чувствую себя неловко.

Цинъян поспешно ответил:

— Считай это место своим домом, не стесняйся. Я редко с кем могу поговорить, вот и рассыпаюсь в любезностях. Не ожидал, что ты окажешься таким открытым человеком.

Бай Хао рассмеялся:

— У меня нет особых манер, не судите строго.

Он незаметно поерзал на стуле, застеленном несколькими слоями меховых накидок, и ему стало так удобно, что хотелось свернуться на нем калачиком.

Услышав это, Цинъян проникся к Бай Хао еще большей симпатией:

— Я вижу, ты человек достойный, вовсе не лишенный воспитания. Просто ты еще молод, вот и проявляешь искренность.

Бай Хао осматривал комнату: пол был устлан толстыми коврами, мебель сделана из дорогого дерева и источала приятный аромат. Видимо, Бай Вэньчан действительно выполнил обещание и обеспечил Цинъяну достойные условия — неудивительно, что многие ему завидовали.

Чтобы скрыть свое любопытство, Бай Хао улыбнулся:

— Вы мне льстите, даос. Здесь гораздо уютнее, чем там, где живу я. Правда, слишком тихо. Вы живете здесь один, не скучно?

— Конечно, скучно, — вздохнул Цинъян. — Но что поделать? Это мой выбор, приходится терпеть.

Бай Хао уловил в его словах нотки тоски. Ему очень хотелось рассказать обо всем Бай Илоу, но он решил сначала выведать побольше, поэтому терпеливо продолжал вести пустые разговоры.

Бай Хао заварил чай, проговорил с даосом еще долгое время, но не узнал ничего дельного. Поняв, что толку не будет, он сослался на необходимость доделать уборку и попрощался.

Вернувшись в дровяной сарай, он поспешно нашел Бай Илоу и, озираясь по сторонам, выложил ему все, что увидел и услышал.

Бай Илоу отложил топор, задумался на мгновение и сказал:

— Если я не ошибаюсь, его нынешний вид — это и есть та самая Небесная кара, о которой он упоминал.

— Небесная кара? — Бай Хао внезапно прозрел. — Вероятно, так и есть. Он ведь говорил, что выбор верного места обернется наказанием. Неудивительно, что голос у него был такой печальный. Кто угодно на его месте не смог бы смириться. Наверняка он жалеет о содеянном.

Бай Илоу хмыкнул. Бай Хао вдруг что-то вспомнил и возмущенно добавил:

— А Бай Вэньчан — просто подлец! Заставил даоса указать ему место, а теперь даже не заглянет проведать. Я просидел у него несколько часов, и никто не пришел прислуживать. Видимо, слуги видят, что хозяину на него плевать, и тоже перестали считаться. Неужели он решил избавиться от человека, как только тот стал бесполезен?

Бай Илоу впервые за долгое время чуть заметно усмехнулся:

— Похоже, я угадал. Бай Вэньчан действительно хочет избавиться от него, но Цинъян — не тот осел, которого можно просто зарезать.

Бай Хао нахмурился и присел рядом:

— Ты хочешь сказать, что даос припас козырь в рукаве?

— Скоро увидим, — ответил Бай Илоу. — В последнее время приглядывай за ним внимательнее.

Бай Хао кивнул, закончил колоть дрова и пошел за водой. С тех пор он стал часто заходить к даосу поболтать, и со временем они стали закадычными друзьями.

Однажды вечером, закончив работу, Бай Хао уже собирался бежать к Цинъяну, но Бай Илоу схватил его за шиворот и холодно спросил:

— Куда собрался?

Бай Хао почувствовал, как холодный ветер задувает под куртку, и поспешил поправить одежду:

— К даосу Цинъяну, поболтать.

Бай Илоу нахмурился:

— О чем болтать?

Бай Хао удивился:

— Да ни о чем особенном, просто поболтаем.

Бай Илоу развернул его к себе:

— Ты возвращаешься за полночь. Узнал хоть что-нибудь полезное?

Бай Хао покачал головой, чувствуя, что Бай Илоу ведет себя странно:

— Пока нет. Но заметил, что последние дни он постоянно что-то вытаскивает на железной

пластине. Как только я вхожу, он прячет ее, я так и не разглядел, что это.

Бай Илоу нахмурился:

— Возможно, он что-то затевает. Больше не следи за ним, я сам во всем разберусь.

Бай Хао был не в восторге от того, что ему запретили видеться с другом. Он не считал Цинъяна врагом, а, наоборот, проникся к нему симпатией.

— Я не буду следить, можно просто пойти поговорить?

— Нет, — отрезал Бай Илоу. — Ты стал слишком своевольным. Забыл, о чем мы договаривались?

— О чем договаривались? — не унимался Бай Хао. — Что я не буду лезть в твои дела? Но теперь ты указываешь, что мне делать! Это неправильно.

Бай Илоу приподнял бровь, удивленный таким отпором. Раньше Бай Хао никогда не спорил, а тут — из-за какого-то даоса! Он холодно спросил:

— Не нуждаешься в моих указаниях?

Бай Хао замолчал. В этом месте нельзя было переходить дорогу Бай Илоу — он был единственным человеком, на которого можно было положиться, и от него зависела его судьба. Бай Хао неохотно сдался:

— Считаю, что я ничего не говорил.

Бай Илоу сухо ответил и первым вышел из сарая.

Бай Хао шел следом, глядя на его прямую спину, и никак не мог взять в толк, что у того на уме. То сам приказывал следить, то вдруг запрещает, да еще и свободу ограничивает? Раньше Бай Хао думал, что за полгода они стали ближе, но, видимо, тот считал его просто полезным слугой, которому даже погулять не дают.

Вернувшись в комнату, он, не раздеваясь, с досады завалился на кровать и накрылся одеялом. Бай Илоу, сменив одежду на белую меховую, лег рядом. Свет погас, и в комнате воцарилась тьма, нарушаемая лишь завыванием ветра за окном.

Бай Илоу подвинулся, и его локоть коснулся Бай Хао. Тот огрызнулся:

— Чего тебе?

Бай Илоу удивился:

— Что чего?

Бай Хао понял, что сам себя накрутил, и, разозлившись, отвернулся к стене. С тех пор как он встретил Бай Илоу, тот всегда держал дистанцию. Бай Хао, не имевший близких друзей из-за своей болезни, в этом странном мире наконец нашел человека, с которым было легко общаться, — даоса, — а Бай Илоу запретил с ним видеться. Да еще и сам вечно холодный. Одиночество давило.

Хотя он и не знал прошлого Бай Илоу, тот был единственным знакомым, к которому он тянулся. В глубине души он даже восхищался этим таинственным и сильным человеком, чувствуя себя в безопасности рядом с ним. Но, видимо, взаимности не было.

Бай Хао тихо вздохнул. В конце концов, он уснул. А Бай Илоу, слышавший все его мысли, впервые слегка улыбнулся. Оказалось, этот малый им восхищается. Что ж, пожалуй, в будущем можно отвечать ему почаще.

На следующий день, когда Бай Илоу колот дрова, Бай Хао, отбросив вчерашние обиды, решил попытать счастья.

— Я схожу проверю? Вдруг сегодня что-то прояснится?

Бай Илоу, не оборачиваясь, коротко кивнул. Бай Хао с облегчением побежал к флигелю.

Жизнь вошла в привычное русло, слухи о даосе утихли. Но Бай Хао заметил, что Цинъян стал выглядеть совсем плохо — бледный, изможденный, словно тяжело болен. На вопросы он лишь отмалчивался. Вечером Бай Хао рассказал об этом Бай Илоу.

Тот задумался:

— Похоже, он что-то затевает. Возьми эту вещь и проверь, есть ли у него в комнате амулет, подавляющий зло. Если нет, я сам выясню, что он задумал.

Бай Хао заколебался: это было похоже на предательство друга, но все же кивнул:

— Хорошо. А что мне взять?

— Сначала поспи, я схожу кое-куда, — сказал Бай Илоу.

— Подожди, — Бай Хао привычно хотел увязаться следом. — Куда? Возьми меня с собой!

Бай Илоу искоса взглянул на него:

— На гору Дарующую Детей. Пойдешь?

Бай Хао передернуло, и он помахал рукой:

— Счастливого пути!

Бай Илоу усмехнулся, а Бай Хао, приняв это за насмешку, надулся, хотя сделать ничего не мог.

Через четверть часа Бай Илоу бесшумно вернулся в сарай с корзиной, но, кажется, не вовремя. Он замер в дверях, глядя на Бай Хао, который лежал на кровати с покрасневшимся лицом, тяжело дыша. Одеяло подрагивало, а на шее двигался кадык.

Бай Илоу: «...»

Этот парень... он... занимается самоудовлетворением...

Бай Илоу застыл в замешательстве, не зная, уйти или подать голос. Но он не мог пошевелиться. Бай Хао был красив, и сейчас, в порыве страсти, выглядел особенно уязвимым и притягательным. Он так напоминал человека, который был дорог Бай Илоу, что тот не мог оторвать взгляд.

— М-м... — простонал Бай Хао.

Бай Илоу почувствовал, как по телу пробежал электрический разряд. Его сердце, обычно спокойное, бешено заколотилось. Атмосфера в комнате стала густой и душной. Бай Хао, тяжело дыша, закусил губу.

Бай Илоу почувствовал головокружение, кровь прилила к голове. Он с трудом сдерживал желание броситься к кровати.

Вскоре Бай Хао вытянулся, издал сдавленный стон и обмяк. Бай Илоу на мгновение потерял связь с реальностью, но быстро взял себя в руки, вернув обычное холодное выражение лица, хотя сердце продолжало колотиться.

Бай Хао, открыв глаза, намеревался встать, чтобы привести себя в порядок, но, увидев стоящего в дверях Бай Илоу, застыл. Лицо его залилось краской, он поспешно натянул одеяло и схватился за штаны.

Он никак не ожидал, что тот вернется так скоро! Ощущение стыда жгло лицо. Нужно было как-то реагировать, но он лишь молча лежал, не в силах пошевелиться.

Бай Илоу, едва сдерживая смехок, глянул на его белые ягодицы, затем подошел и поправил одеяло, укрыв Бай Хао.

<http://bllate.org/book/21664/2235369>